

Николай Добролюбов

Путешествие на Амур

Николай Александрович Добролюбов

Путешествие на Амур

Рецензия посвящена острой проблеме 50-х годов XIX века – присоединению Амурского края к России. Вокруг вопроса о значении и результатах присоединения Амурского края к России разгорелась полемика. Одни видели в этом только выгоды и, замалчивая трудности освоения края, злоупотребления местной администрации и тяжесть положения местного населения, преувеличивали результаты присоединения. Другие, напротив, говорили о полном провале колонизации, порой не учитывая трудные условия заселения края и игнорируя достигнутые все же положительные его результаты.

Содержание

#1	0005
Примечания	0058

Николай Александрович Добролюбов Путешествие на Амур

совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком. Один том, с портретом графа Муравьева-Амурского и с отдельным собранием рисунков, карт и планов. Издание члена-соревнователя Сибирского отдела С. Ф. Соловьева. СПб., 1859

Статей, написанных об Амуре в последние два года, так много, что из перечня их могла бы, пожалуй, составиться даже особенная отрасль русской библиографической науки. {1} Но при всем том мы до сих пор не знаем об Амуре ничего положительного. С самого начала, когда Амур только что стал входить в моду, – мы знали положительно одно: что весь левый берег Амура занят нами и что мы через это сделали великое приобретение. Но теперь, после множества статей и всякого рода известий об Амуре, и это первое положительное сведение сделалось как-то сбивчивым и неопределенным. С одной стороны, мы слышали и читали, что с приобретением Амура мы сделались обладателями *великолепнейшей реки в мире*, что мы теперь через нее *сделались уже очень страшными соперниками англичан в Индии*, {2} что посредством Амура суждено нам сделаться *цивилизаторами Китая*, и пр. С другой стороны, напротив, раздавались уверения, что мы из Амура не можем извлечь ни малейшей пользы и что англичан в Индии нам никогда не видать, как ушей своих. Кому верить – невозможно было ре-

шить, потому что и заступники и противники Амура представляли в подтверждение своих слов *факты*. Одни говорили, что плавание по Амуру лучше, чем по Миссисипи, что там давно уже устроены русскими правильные сообщения, что народ туда переселяется густыми массами, что там всё дают чуть не даром и пр. Другие, напротив, стали уверять, что ничего подобного на Амуре нет и быть не может, что там все дорого, ничего не устроено и т. д. Поверять слова тех и других было чрезвычайно затруднительно, потому что проверка должна была происходить на месте; а между тем, пока статья, напечатанная в Петербурге, появится на Амуре и пока ответ на нее оттуда дойдет до Петербурга и напечатается, проходило обыкновенно полгода, а иногда и больше. А в это время к одному неосновательному известию прибавлялось уже несколько других, и чуть ли не составлялась на их основании целая система рассуждений о жизни на Амуре.

Такое положение наших сведений об Амуре продолжается до сих пор. Поэтому мы с особенным нетерпением ожидали издания

путешествия г. Маака. Г-н Маак совершил экспедицию на Амур в 1855 году, по поручению Сибирского отдела Русского географического общества, на иждивение члена-соревнователя Сибирского отдела С. Ф. Соловьева, пожертвовавшего на этот предмет полпуда золота. На его же счет издано и описание путешествия г. Маака, о типографском изяществе которого было уже замечено в «Современнике» месяц тому назад. Издание украшено прекрасно сделанным портретом графа Муравьева-Амурского; {3} кроме того, к нему принадлежит целый альбом великолепных рисунков, карт и планов. В этом альбоме находится: семнадцать ландшафтов и этнографических рисунков, шесть *таблиц*, в которых заключаются изображения разных предметов, относящихся большею частию к домашнему быту приамурских народов, десять ботанических таблиц, геогностическая карта берегов Амура, карта распространения древесных и кустарных растений на берегах этой реки, план Айгуна и план Албазинского укрепления. Все рисунки исполнены превосходно; они большею частию рисованы первоначально самим

же г. Мааком, а потом перерисованы в Петербурге художником г. Гуном; некоторая же часть рисунков взята из портфеля г. Мейера, также посещавшего Амурский край, или срисована петербургскими художниками с предметов, привезенных г. Мааком.

Как видно, г. Соловьевым все сделано для изящества и великолепия издания, равно как и г. Мааком употреблены все усилия для того, чтобы собрать сколько возможно более точные, полезные и разнообразные сведения. Отчет его о своем путешествии занимает 320 страниц в четвертку; он идет день за день, исполнен ученых цитат, сообщает весьма точные описания местностей, растений, ископаемых – везде с латинскими названиями, очень обстоятельно описывает одежду, домашнюю утварь, рыболовные и звероловные снаряды и тому подобное приамурских народов, делает даже филологические и исторические соображения. Не довольствуясь этим, г. Маак приложил к своему отчету особенные статьи: 1) геогностические исследования; 2) обзор кустарных и древесных растений; 3) обзор животных. В этих статьях естественноисториче-

ские сведения представлены в систематическом порядке и в ученой обработке, под руководством академиков Брандта, Рупрехта, г. Максимовича, Менетрие, Бремера и Герстфельда. В конце же книги г. Маака находим тунгусский лексикон, который составлен г. Шифнером из материалов, собранных г. Мааком. Таким образом, мы видим, что деятельность г. Маака была чрезвычайно обширна и многостороння, за что и нельзя не отдать ему должной справедливости.

И при всем том после книги г. Маака наши сведения об Амуре не сделались особенно блестящими. Причиною этого надо считать неблагоприятные обстоятельства, помешавшие полной успешности работ экспедиции, в которой находился г. Маак. Об этих неблагоприятных обстоятельствах сам г. Маак в предисловии к своей книге говорит следующее:

Всего более мешало нам то, что мы ехали чрезвычайно быстро, останавливаясь редко, и то на короткое время. Особенно поспешно было путешествие наше при плавании вниз по Амуру. Чтобы дать понятие об этой поспеш-

ности и о том, как она должна была препятствовать нашим ученым действиям, достаточно указать на одно обстоятельство, подробно изложенное в историческом отчете: спускаясь по Амуру; мы проехали всю ту часть его течения, которая прорезывает Хинганский хребет, менее чем в сутки; а между тем эта часть Амура имеет более 100 верст длины, и берега ее представляют одно из самых интересных для путешественника мест во всем Амурском крае. Конечно, на обратном пути мы ехали не так быстро, но тогда уже время года не благоприятствовало ученым действиям, и, сверх того, самое путешествие было сопряжено с такими трудностями, что работы, имевшие целью одно только передвижение экспедиции, поглощали почти все наше время.

Но отчего же экспедиция мчалась так быстро? Ведь она снаряжена была совершенно самостоятельно Сибирским отделом Географического общества, на иждивение г. Соловьева. Что же могло заставить ее так торопиться, вопреки всем ее существенным на-

добностям? На это г. Маак не дает положительного ответа, и читатель должен довольствоваться следующими строками, в которых указывается новое препятствие для успехов экспедиции, но все-таки не объясняется его причина:

Много также мешало ученым работам экспедиции то обстоятельство, что мы проехали большое пространство, и притом в самое благоприятное для таких работ время, не будучи совершенно независимыми в наших действиях; в продолжение всего почти июня 1855 года мы ехали вместе с военным отрядом, спускавшимся к Мариинскому посту, и, составляя как бы часть этого отряда, должны были во всех наших действиях сообразоваться с его движениями. Понятно, что при таком положении вещей интересы науки всякий раз, когда им приходилось сталкиваться с военными соображениями, должны были уступать.

Вследствие таких обстоятельств книга г. Маака, по его собственным словам, «не заключает в себе даже почти никаких общих

выводов». Автор излагал свои наблюдения в хронологическом порядке, но, «по недостаточности материалов, не решался группировать факты и высказывать какие-либо соображения о их взаимной связи и значении». Таким образом, г. Маак сам признает свою книгу полезною лишь в виде материала для будущих путешественников на Амур и исследователей этого края. Что же касается до читающей публики, то она и книгою г. Маака далеко не избавлена еще от возможности кривых толков и неосновательных выводов об Амуре. В особенности должно это сказать в отношении к вопросам промышленным и торговым, которых г. Маак почти вовсе не касается, занятый преимущественно естественноисторическими исследованиями и наблюдениями этнографическими.

Само собою разумеется, что, путешествуя в 1855 году, г. Маак не мог описывать всех прелестей и совершенств, недавно открытых на Амуре нашими газетами и журналами. Все дивное устройство Амурского края произошло уже гораздо после, преимущественно в прошлом году. В числе панегиристов Амура

особенно отличался г. Д. Романов, в статьях своих, помещенных в «Русском вестнике» и в «Русском слове». От статей в «Русском слове» он недавно, впрочем, отказался печатно, говоря, что они напечатаны в искаженном виде. Но свои *письма* в «Русском вестнике» он не только не отвергал, а даже защищал в «С.-Петербургских ведомостях» против возражений. Возражения эти принадлежат г. Д. Завалишину, который в течение вот уже двух лет выбивается из сил, занимаясь разрушением наивных восторгов от Амура. Сведения, представленные г. Завалишиным, до сих пор не встретили серьезного, фактического опровержения, хотя некоторые из его статей напечатаны уже очень давно. Первые возражения его г. Романову помещены были в «Морском сборнике» 1858 года, № 11. Затем были статьи в 1859 году, в №№ 5 и 7 «Морского сборника», и, наконец, большая статья, составляющая начало целого ряда статей, в № 10 «Вестника промышленности», под названием «Амур». Первой статье г. Завалишин дал еще специальное заглавие: «Кого обманывают и кто окончательно остается обманутым?» Во всех

этих статьях могут быть своего рода ошибки и недосмотры, но из них оказывается несомненным одно: что восторги, возбужденные Амуром, преждевременны и преувеличенны. И не потому нельзя их считать основательными, чтобы в самом деле естественные условия края были дурны; вовсе нет: что они хороши или могут быть хороши – в этом все соглашаются. Но невозможно верить панегиристам потому, что, вопреки их уверениям, этими естественными условиями до сих пор еще мы почти не пользовались и очень немного сделали для того, чтобы хорошо ими воспользоваться впоследствии. Относительно этого предмета г. Завалишин говорит в статье «Морского сборника», отмечая свои слова даже курсивом, для большей рельефности:

«Мы всегда считали, что собственно занятие Амура было делом второстепенным, не представлявшим ни малейшего затруднения (кроме тех, которые сами создадим) и всегда вполне зависящим, при известных внешних обстоятельствах, чисто от воли правительства, – да и не от приказанья даже его, а просто от дозволения, – а что существенное дело

именно и состояло в предварительном подготавливании тех условий, которые одни могли сделать занятие полезным и без которых оно легко может обратиться даже во вред – не только здешнему краю, но и государству» («Морской сборник», 1859, № 7, стр. 39).

Затем г. Завалишин приводит множество фактов, доказывающих, что этого *подготовления* до сих пор на Амуре не было и нет. Статьи г. Завалишина очень растянуты, наполнены повторениями одних и тех же фактов, беспрестанными восклицаниями и обращениями. Но факты, излагаемые в них, сами по себе очень любопытны и делаются вдвойне интересными по сравнению с тем, что писали об Амуре гг. Романов, Назимов, корреспонденты «С.-Петербургских ведомостей», «Иркутских ведомостей» и пр. Мы приведем некоторые из этих фактов:

Амур прежде всего, разумеется, обращает на себя внимание как новое, прекрасное средство сообщения. И вот являются статьи, в которых восхваляется сообщение по Амuru. Г-н Романов сообщил в «Русском вестнике», что американцы восхищаются плаванием по

Амуру и находят его несравненно удобнейшим, чем по Миссисипи, потому что в Амуре нет подводных камней и карчей, которыми наполнено русло Миссисипи. Г-н Назимов напечатал, что еще в 1857 году началось правильное летнее сообщение по Амуре и что с будущего года число пароходов удвоится. Мы, разумеется, всему этому верили. Но вдруг является г. Завалишин и с крайним скептицизмом говорит в одной статье: «Всякая река, страна, какие бы они ни были, все это сами по себе (откидывая, разумеется, крайности) большею частью безразличные вещи и будут всегда преимущественно тем, что сумеют из них сделать... Ведь была же Миссисипи слишком 200 лет в руках французов и испанцев; а что они из нее сделали, несмотря на все природные ее преимущества?» К чему же говорит это г. Завалишин? Да все к тому же, чтобы доказать свою мысль, что Амур сам по себе – ничего и что сделано на нем – очень мало. В подтверждение своих слов г. Завалишин приводит и факты. Он говорит: здесь построены были пароходы «Аргунь» и «Шилка»; «Аргунь» отправилась в 1854 году и *не возвра-*

щалась, оказавшись неспособною идти против течения; «Шилка», отправясь в 1855 году осенью, недалеко от Шилкинского завода стала на мель и замерзла; в 1856 году спущена на устье Амура; но попытка идти против течения и ей не удалась. Кроме этих двух, ходил по Амуру пароход «Надежда»; но и он, по тесноте помещения и по глубокой осадке, оказался неудобным, и после 1855 года, когда на нем поднимался вверх по Амуру граф Путятин,^{4} – не доходил более до Усть-Зеи. Затем оставались два парохода, полученные из Америки: «Лена» и «Амур». Но «Лена» в 1857 году совершила только один рейс, и то в одну только сторону, во всю навигацию; она поднялась до Шилкинского завода да там и зазимовала. Г-н Назимов восхищался быстротою сообщения, высчитав, что «Лена» совершила в 30 дней 3000 верст; но оказалось, что верст было не 3000, а с небольшим две, и дней не 30, а более; оказалось также, что на «Лене» ехал генерал-губернатор, который не доехал на пароходе до конца, а бросил его. «Следовательно, была причина, – говорит г. Завалишин, – что он бросил пароход? Что же ожидать тогда

частному лицу? А мы всегда говорили, что не можем принимать в счет проездов какого-нибудь значительного лица или чрезвычайного нарочного, для которых делаются особенные напряжения, а *правильное* сообщение и *возможность* сообщения принимаем только тогда, когда они существуют для всех и каждого» («Морской сборник», № 5, стр. 16). А этого-то именно и не находит на Амуре г. Завалишин. В 1858 году «Лена», по его словам в другой статье («Морской сборник», № 7), плавала столь же неудачно: отправясь от Шилкинского завода весною 1858 года, стала на мель, не доходя до Зеи, повредилась, дотащи-лась до Зеи, после исправления медленно поднялась до Стрелки, опять спустилась до Зеи и опять кое-как после неуспешного пла-вания, беспрестанно становясь на мель, до-шла в начале августа до Сретенска, где и оста-лась на зиму. Остается последний пароход, «Амур»: этот в 1858 году дошел раз до Усть-Зеи, а возвращаясь назад, стал на мель да тут и замерз. По этому поводу было напечатано, что «Амур» *зимовал* здесь; г. Завалишин заме-чает, что это напоминает *зимние квартиры*

Наполеона в России. В 1858 году «Амур» три раза доходил до Усть-Зей – и то в последние два раза уже не вплоть, чтобы не попасть на мель, как в первый раз. Что же касается до увеличения числа пароходов на Амуре, это было простое предположение, которое наши наивные публицисты не усомнились выдать за дело уже решенное и осуществленное... В 1858 году сообщения по Амуру производились опять-таки теми же единственными «Леною» и «Амуром».

Но изобретением небывалых пароходов не ограничилось усердие добрых людей, прославлявших наши успехи на Амуре. Уверяли (г. Романов в «Русском вестнике»), что уже и непрерывные почтовые сообщения устроены – летом на лодках, зимою на тройках с колокольчиками. При этом г. Романов с такою же гордостью, с какою недавно «Русский вестник» возвещал, что «русский народ благодушен и верен» (см. «Русский вестник», 1859, № 20), – прибавлял: «Ни одно государство в свете не может еще *похвастаться* (как они дорожат *хвастаньем!!*) непрерывным сухопутным путем от морей одной части света в

другую». А у нас, говорит, с нынешней осени (1858 года) начинается такое сообщение: «Вы можете взять себе подорожную из всякого уездного города до Николаевска, садитесь в кибитку, и нигде вас не потревожат верховою или собачьею ездою до самого Восточного океана». Действительно, очень заманчиво; но г. Завалишин уверяет, что и это вздор. Он приводит вот какие факты за 1858 год. Письмо из Николаевска *от 15 июля* получено в Чите *1 ноября*. Отправившийся из Николаевска в *начале августа* штаб-офицер доехал до Читы *14 ноября*. С тех пор были курьеры и пассажиры, доехавшие на последнем пароходе до Благовещенска; но почты по Амуру из Николаевска не слыхали и ничего не получали; а слышали, что было две почты *через Аян*. Даже из Благовещенска (то есть Усть-Зей) письмо *от 2 августа* получено в Чите *20 сентября*. Была ли еще раз почта – не могли дознаться; но что в последние месяцы не было почты даже из Благовещенска, в том удостоверяет, по словам г. Завалишина, посланный нарочно адъютант, чтобы узнать, отчего нет почты. На лодках люди, имеющие все сред-

ства, отправясь немедленно по вскрытии реки из Мариинска, прибыли в Читу 30 июля. Осенью курьеры проезжали от Благовещенска до Читы не менее как в месяц. Столько же времени едут и зимним путем, даже по казенной надобности. Впрочем, г. Завалишин уверяет, что вообще лошадей здесь обязательно предписано давать *только* курьерам; прочие должны делаться, как знают. К этому он прибавляет, что по Шилке нет проезда, а что от Стрелки должны сворачивать по Аргуни, по стародавним станицам. Последние отряды казаков, бывших в наряде на сплаве, вместо исхода августа и сентября, как рассчитывали, выходили только в декабре (см. «Морской сборник», № 7 и «Вестник промышленности», № 10).

Факты такого рода не могут, конечно, свидетельствовать в пользу непрерывных сообщений и правильных почт в Приамурском крае, вплоть до Николаевского порта. И если уверения г. Завалишина справедливы (а они никем не опровергнуты), то мы вполне понимаем его сожаление о тех бедняках, которые, будучи обнадежены уверениями панегири-

стов, вздумают отправиться в приятное путешествие по Амурскому краю и разочтут свое время и издержки по возгласам восторженных публицистов.

Впрочем, несмотря на полное довольство всем сделанным, сам г. Романов признает полезным устроить железную дорогу от залива де Кастри до Джая, потому особенно, что 300 верст от устья течение Амура представляет большие трудности для плаванья... Американец Коллинс представил проект другой железной дороги – от Читы до устья Селенги, где уже предполагалось построить *Новый Аспинваль*.^{5} Само собою разумеется, что сначала оба предположения приветствованы были с восторгом. Но г. Завалишин напомнил о перегрузках, распутицах и пр. и вообще наскзал столько неудобств Коллинсу, что тот изменил свой проект. Но какое движение имел он потом – неизвестно. Что же касается до г. Романова, то ему г. Завалишин ставит на вид следующие обстоятельства. Г-н Романов хотел заказывать железо на Петровском заводе и сплавливать по Амуру; но для железной дороги нужно несколько сот тысяч пудов, а Петров-

ский завод выделывает всего до 30 000 пудов в год, да и то железо незавидного качества и дорого: цены самому дурному сорту петровского железа в Чите – 1 руб. 60 коп., а это – починный пункт сплава. Говорят, что на Петровском заводе изготовлялись рельсы для дороги на золотые прииски в Нерчинских заводах и обошлись в 4 руб. сер. за пуд. Да, кроме того, надо для дороги и работников, и для них хлеб. А взять этого всего – негде решительно. Самый сплав производить некому: сплав самый дешевый, по подряду купцов Зимина и Серебряникова, был 50 коп. с пуда, и хотя цену эту находили не дешевою, но в следующем году и за такую плату не могли найти вольных подрядчиков и принуждены на 1858 год возложить сплав на казачье войско за ту же цену. Но слухи о тягостях и бедствиях, претерпеваемых при этом рабочими, произвели то, что казаки, назначенные по наряду на сплав, платили от себя наемщикам до 40 коп. за одну сплавку, отдавая сверх того все, что приходилось получать от казны. Вследствие того на 1859 год производили сплав казенными рабочими, употребив в дело даже каторжных. А

чтобы достать людей, сама казна прибегала, по словам г. Завалишина, к различным изворотам:

Так, в 1857 году придрались к недоимкам, из которых некоторые произошли вовсе не от вины казаков, а от собственного недоразумения начальства, не знавшего, как истолковать двухлетнюю льготу от повинностей выселенным из Читы казакам и включать ли в нее денежный сбор, остановленный в 1851 году; как вдруг в 1857 году ведено было не считать его включенным в льготу, и потребовали, сверх текущих повинностей, за два старые прежние года. Я лично знаю одного казака, которому, с тремя малолетними, пришлось заплатить за четыре души за два года вдруг, кроме настоящего, и у которого взяли последнего работника, единственного в семье из шести душ. Если, следовательно, при 50-копеечной плате надо прибегать к таким средствам, то можно посудить, что будет стоить действительно сплав с пуда в операции, где за все надо будет платить по вольным ценам... Для полноты расчета надо

прибавить, что и в 1857 и в 1858 годах многие казаки, со времени наряда на работы по сплаву, возвратились домой через девять месяцев; кроме того, в 1858 году было много больных («Вестник промышленности», № 10, стр. 55).

Если бы казна и даром получала работу, – то, по замечанию г. Завалишина, это еще не могло бы служить основанием для расчетов в частном предприятии. В казенном деле могут быть обстоятельства и случаи, которые совершенно не должны входить в круг промышленных выгод, хотя сами по себе эти обстоятельства и имеют, может быть, свою долю влияния на ход торговых и промышленных операций. Для примера г. Завалишин рассказывает такой случай в одной из местностей Амурского края:

Нам известен случай (а мы говорим только о таких, которые не остались безызвестны и начальству), – что люди, назначенные вывозить только лес, рубленный под надзором офицера совсем другими, потеряли пятнадцать дней при сдаче этому самому офицеру, браковавшему у них лес, который они

не рубили, заставлявшему вырубить новый и кончившему приемкою забракованного («Вестник промышленности», № 10, стр. 54).

Подобные случаи, повторяющиеся, как известно, во многих местах Российской империи, вообще весьма невыгодно действуют на экономическое развитие страны. Не мудрено, что и на Амуре они производят то же действие, уничтожая таким образом все чудеса прогресса, торопливо провозглашенного опрометчивыми публицистами... Размышляя о подобных случаях, мы можем даже до некоторой степени определить и причину такой опрометчивости публицистов наших: они взглянули на дело очень абстрактно, – взяли в расчет самую страну с ее производительными силами, но не приняли в соображение всей обстановки дела – то есть людей и нравов, для которых эта страна открывает новое поприще...

Но возвратимся к железной дороге, проектированной г. Романовым.

По расчету г. Романова, нужно 5000 рабочих для железной дороги, и он рассчитывает

в этом случае на местные батальоны. Но, по словам г. Завалишина, линейных батальонов от Кяхты до Николаевска всего четыре, и из них нельзя набрать 5000 рабочих. Что же касается до казаков, то брать их на работу не годится уже и потому, что они занимаются хлебопашеством, и «всякий взятый из них работник уменьшит на несколько десятин производящую хлеб пашню». И без того уже разные служебные и неслужебные требования расстроили у казаков хозяйство в Нерчинском крае, главном для продовольствия Амура. Обстоятельства эти произвели то, что пашня должна была уменьшиться на несколько тысяч десятин; а между тем требования казны на хлеб увеличились вследствие передвижения войск в Забайкальский край... Еще в 1852 году представлен был официальный расчет, что каждый взрослый человек должен обрабатывать *шесть* десятин, чтобы могли быть удовлетворены обыкновенные требования на хлеб в здешнем крае. А тут еще беспрестанно наряжают казаков-хлебопашцев на работы, которые, равно как и требование на продовольствие, всё увеличиваются с приобретени-

ем Амура. Естественно, что при таких условиях отнятие 5000 человек от пашни будет довольно чувствительно для края, и г. Завалишин уверяет даже, что самим этим работникам нечего есть будет: негде будет достать 120 000 пудов муки, которые, по его вычислению, нужны для 5000 работников. Хлеб и то уже прошлую зиму был в Чите 80–90 коп., а провоз от Верхнеудинска до Читы (436 верст) был рубль серебром... («Морской сборник», № 5). А г. Романов возвестил в «Русском вестнике», что, «благодаря новому пути, даже в Петропавловске мука продается, вместо прежних трех рублей, по 99 копеек!»...

Объяснивши все удобства путей сообщения в Амурском крае, панегиристы, разумеется, решили, что через Амур должна происходить иностранная торговля Сибири. А решивши это, они немедленно пришли в умиление от ее широкого развития. «Взглянуть на зарождающуюся иностранную торговлю Сибири – так просто сердце радуется», – восклицает г. Романов в «Русском вестнике». «1857 год был, можно сказать, первым годом правильной торговли и начала торгового пароходства

по Амуру, и в этот первый год ценность всех грузов, передвигавшихся по Амуру, простиралась до 1 000 000 руб. сер. Что же будет далее при таком богатом начале? И теперь уже жители Иркутска пьют кофе с здешним сахаром, курят сигары, привезенные через Николаевск из Манилы и Гаваны, из Якутска делают заказы вин здешним американским торговцам и т. д. Не чудаки ли те люди, которые утверждают, что Амур вздор и что, кроме обременения издержками, он России ничего не принесет полезного?..» К этому прибавлялись известия об 11 судах, бывших уже в мае в Николаевске, о сахаре, доставленном по Амуру и продававшемся по 7 руб. 50 коп. за пуд в Иркутске, и пр. Тут же, разумеется, изъявлялись благие желания, чтобы частная предприимчивость взялась за дело, и раскрывались разные надежды и ожидания...

Все это встречаемо было с великим сочувствием большею частью людей, привыкших видеть в розовом свете и будущность и все, что совершается в *настоящее время, когда, и пр.* Но вот несколько *общих* соображений, представленных по этому предмету г. Зава-

лишинным в «Морском сборнике» (№ 7, стр. 48–50):

Часто, чуть не беспрестанно, делают у нас упрек частной деятельности в недостатке предприимчивости... Полно, так ли? Это дает повод взглянуть-ся в это дело попристальнее. Будьте уверены, что когда какое-либо явление доходит до степени общности, то причины его заключаются уже не в одних только людях. Везде, где массы подвергаются незаконным требованиям со стороны казны, они вымещают это на частных лицах. Тогда законная частная деятельность становится невозможною; место ее занимает незаконная, что, в свою очередь, опять отражается на казне. Таким-то образом, в этом круговороте все сдвигается с принадлежащего ему законного и выгоднейшего места; всякое правильное движение становится невозможным; и вместо его, к общей невыгоде и трате сил, являются беспорядок и случайность; предприимчивость же может существовать только там, где есть прочное, разумное основание для расчета и соображений в постоян-

ных элементах и строгом законном ограждении частной деятельности. Великое было бы, конечно, дело добиться от масс (и в этом-то и будет великая заслуга, несомненно ожидаемая от образования) сознания справедливости законных требований; но никакими усилиями, никакими софизмами не добьются никогда спокойного подчинения незаконным требованиям, без того, чтоб человек не искал, в свою очередь, вознаградить себя за это на счет другого, да так еще, чтоб урвать при случае и на запас. И вот начинается между большинством круговая порука насилий и обманов; беда тому только, кто руководствуется иными правилами: он будет непременно смолот между двумя жерновами.

Возьмем пример; человек подражает у казны строить дом. Что, по-настоящему, он должен принять в соображение? Ценность материала, работы, продолжительность затраты капитала, разумные проценты. Все производство обеспечил он, по-видимому, требуемыми законом документами; но едва прикоснулся к делу, как и начи-

наются всевозможные трибуляции. Работники не явились вовремя; отговариваются, что их гоняли туда-то и туда; вместо их наскоро нанимаются другие, дороже. Материал не доставляется – потерял-де лошадей на таком-то наряде; вместо оного покупается или самим подрядчиком, или в счет его другой материал; часто вся работа останавливается. Подрядчику, конечно, предоставляется взыскивать с виновных, с их поручителей. Но когда еще он добьется до удовлетворения? Иногда проходят года... Да это требует и расходов и досуга, а между тем время идет. Иногда кончается тем, что работа передается другому, и первый подрядчик терпит убыток. Вперед наука, говорит он – и при следующем подряде непременно примет, все это в расчет: и лишнюю на запас заготовку материала, и за подряжение лишних людей, и другие известные расходы, и заломит цену вдвое; или, если сумеет поставить силу на своей стороне, сам прижмет рабочих, второстепенных поставщиков; поставит похуже материал, выгадывая на всем этом... Теперь

возьмем другой пример: если казна берет у хлебопашца муку не по надлежащей цене, он постарается непременно уменьшить убыток дурным качеством ее, подмесью; если будет затруднение при сдаче – будет выгода разве приемщику, а провиант все-таки поступит дурной; и это неминуемо отразится на тех, кто должен будет волею и неволею употреблять его, и выразится болезнями и нередко смертностью.

Исходя из подобных соображений, г. Завалишин не соглашается с г. Романовым в том, что *«край развернется быстро, если будет идти так же, как в настоящее время»*, и что нужно только дать туда денег и людей. Напротив, он приводит факты, по которым видно, что край вовсе не так хорошо устроился, как уверяют, и что денег и людей много потрачено, – и все понапрасну. Показания г. Завалишина говорят следующее: вместо *одинадцати* иностранных судов в мае оказалось по сентябрь всего пять, и то ничтожного количества тонн. Сахар не только в Иркутске не продавался по 7 руб. 50 коп., но и в Благове-

ценские стоил 14 руб., а на устье Амура – по 9 руб., так что провоз от устья до Благовещенска обходится едва ли не дороже, чем провоз от Нижнего до Кяхты. Из этого г. Завалишин делает такое сравнение: «С одной стороны, сахар из России, оплативший или пошлину в песке, или акциз в свекловице, привезенный гужом за шесть и более тысяч верст, может продаваться в Иркутске по 14 руб. и даже продавался по 12; а с другой стороны – худшего качества сахар, при водяной доставке морем и по великолепной, не полагающей препятствий реке, не платя ни пошлины, ни акциза, продается в Благовещенске по 14 руб.; во сколько же он обошелся бы с доставкой в Читту и Иркутск? А по общему отзыву, эта часть пути – самая трудная, а потому и самая дорогая для проезда, тем более для провоза...» В самом деле, соображение это довольно занимательно. К сожалению для панегиристов Амура, оно не имело случая подтвердиться на практике, потому что, по уверению г. Завалишина, «не только в Иркутске, но и во всем Забайкалье никогда не было еще и до сих пор нет привоза никаких капитальных товаров

по Амуру в сколько-нибудь значительном количестве» («Вестник промышленности», № 10, стр. 61). Оттого *небывалой дешевизны* здесь действительно *нет*, все по-прежнему выписывается из России, и как это ни дорого обходится, но все же дешевле, чем через Амур.

Таким образом, оказывается, что привоз не был особенно обильным до сих пор. Остается еще торговля местными произведениями, особенно вывоз их за границу. Ведь и на это много рассчитывали восторженные поклонники приобретенного нами Амура. Но г. Завалишин поражает их и нас таким плачевным замечанием: «Какой уж тут отпуск за границу, если своим русским продают сухари по 6 руб., а свежее мясо доходит до 12 руб. сер. за пуд!» В другой статье он объясняет, что такие цены стояли в зиму с 1857 на 1858 год, по случаю потопления казенного скота, и что при этом продавцы требовали еще от покупателей, чтобы те на каждый фунт хорошего мяса брали фунт дурного... По таким-то расчетам и вышла торговля на Амуре ценностью в миллион... При таких условиях не только нам отпустить за границу было нечего, но и са-

мим-то, пожалуй, выгоднее было бы покупать мясо, которое бы привозилось к устью Амура в консервах из Англии. А к этому еще г. Завалишин прибавляет следующие обстоятельства:

Если мука и крупа приходят сюда подмоченными, сушеная капуста, не тронувшись с места, оказывается с червями, масло – с салом, мед и соль – с водою, постное масло – вытекшим, солонина до отправления испорченною, – так какая тут еще будет торговля отпускная, когда частный привоз с избытком поглощается своими требованиями, как свидетельствуют цены, показывая в то же время и дороговизну сплава (которая будет еще неминуемо возвышаться), – и что вы при этих ценах будете отпускать за границу? Притом отпуск за границу требует других приемов и привычек, нежели обычные у нас. Голодный все съест; а для заграничного торга нельзя рассчитывать на это обстоятельство: нужно нечто иное. А кому же неизвестны грязность приготовления и неаккуратность, а иногда и недобросо-

вестность нашей торговли?

Остается торговля с прибрежными жителями по Амуру, и она также нашла себе панегиристов. Некто г. Паргачевский, служивший приказчиком у г. Зимина и сам для себя приобретающий соболей в мене с инородцами, уверял, что русские поступают в торговле с инородцами так благородно и великодушно, как никогда не поступал ни один народ в мире: никого не обижают, не обманывают, приобретают всеобщее сочувствие и доверие, и пр. Вследствие всего этого г. Паргачевский выводит, между прочим, что нужно запретить маньчжурам продавать водку. Но против всех таких уверений и требований г. Завалишин возражает вот что («Вестник промышленности», № 10, стр. 64–65):

Во всем этом нет правды, и мы не понимаем, что за несчастная страсть и манера уверять в невозможном и, в противоречие собственным суждениям и вопреки постоянно повторяющемуся опыту пред глазами, утверждать, что русские поступают иначе, особливо в приложении к настоящему

случаю, видя, какой сорт людей действует в торговых и других предприятиях по Амуру, где притом и надзор и управа над ними почти невозможны. Да, пора бы, право, обратить внимание и на то противоречие, что когда дело дойдет до подробного разбора фактов, то все наполнено и частными и официальными даже признаниями о печальных явлениях по всем отраслям и частной и общественной деятельности, до того, что мы уже хвалимся (а ведь все то же, все прежняя замашка всем тщеславиться!) тем, что беспощадно обнажаем свои язвы; когда дойдет до непосредственного приложения, до того, чтобы иметь с кем-нибудь дело, то и начальники и частные люди объявляют целые сословия мошенниками, что, конечно, так же несправедливо, как и общие похвалы. А лишь коснется до общих обозрений, до возгласов частных и официальных, тотчас русские являются образцовыми людьми, идеалами бескорыстия, самопожертвования, исполнительности и пр. Итак, относительно утверждений г. Паргачевского повторим,

что, зная, какие люди тут большую часть действуют, сразу поймешь, что должно происходить и что есть вещи и дела, которые невозможно чтоб не происходили, что торговля должна идти средствами per fas et nefas...[1] А что эти торговые проделки не любят и тут гласности, – Доказательством сам г. Паргачевский, который, по словам бывшего его хозяина Зимины, не хотел дать отчета, какими средствами он, независимо от приобретенных для хозяев, приобрел и для себя соболей. Уверения, что русские вели себя будто бы примерно, опровергаются вполне предписанием начальства, пред отправлением в 1857 году, где прямо говорится, что дошло до сведения его о насилиях и обманах, что русские продавали винтовки и порох даже и тогда, когда неизвестно было, не употребят ли их против нас самих. Это не тайна, как и то, что торговали и служащие, которые, как неплатящие повинностей и на готовом содержании, находились, конечно, в выгодных условиях для торговли, особенно подмешивая притом

немножко обмана. Что приобретенные таким образом меха они могли продавать с выгодой для себя и с большою выгодой для купца, особенно когда продавец голоден, – это ясно; но ведь не такая торговля может иметь залог будущего развития. Что касается до желания, чтоб запретить маньчжурам продавать водку, то после всего, что печатается об откупах, очень понимаем, что русским хочется иметь такой выгодный товар (кто не знает, как верен расчет на слабость инородцев к водке и табаку?) в своих руках: ведь не для своего же употребления перекупают они сами китайскую водку у маньчжурских торговцев? Что обманывали фальшивою монетою, оловянными и натертыми ртутью рублями, – это доказывают следственные дела; относительно же доверчивости инородцев к русским и скрытности против маньчжур и при них, – это точь-в-точь, как у нас все простонародье, особенно из бурят, ни за что не станет говорить откровенно при русских чиновниках, а про их притеснения и ни при ком, – даже о

том, что и помимо их сделалось гласным. А разве можно притом предположить, чтоб с приамурскими инородцами русские обращались лучше, чем со своими?

Скептические положения г. Завалишина, давно уже им повторяемые в нескольких газетах и журналах, обратили на себя некоторое внимание хвалителей наших амурских успехов, и вследствие того, например в иркутской газете, появились разные сознания в промахах и исправления прежде сообщенных известий. Но все это скрашивалось тем, что, конечно, теперь еще многого нет, время еще не настало, однако скоро оно настанет, и настанет непременно, как только край станет заселяться. «Денег и людей!» – вопиял г. Романов в «Русском вестнике». «Надо колонизировать Приамурский край, – изъяснял корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» еще в прошлом году, – в больших размерах распространить тут русское население, развить пароходство и судоходство по Амуру, то есть сделать из этой реки то, к чему она предназначена самую природою: быть великим тор-

говым путем для Восточной Сибири... Начало всему этому, – заключал корреспондент, – положено уже в предыдущие годы...»{6} Затем следовали известия, что близ устья Амура существует уж город Николаевск, что везде строятся казачьи станицы, что много есть уж по Амуру зародышей будущих городов и т. п. Это по крайней мере было скромно, и потому нельзя было не верить и нельзя было не поддаться некоторым надеждам. Но неугомный г. Завалишин разрушает и эти надежды. И, что всего горестнее, – он показывает даже, *как и отчего* эти надежды несбыточны, и показывает так ясно и просто, что и усомниться трудно. Возьмем из его статей несколько фактов и по этой части, чтобы дополнить характеристику того, что доныне делалось и теперь делается на Амуре.

Начнем с того, что г. Завалишин, вопреки всем уверениям, что народ валом валит из России на Амур, утверждает, что добровольных переселенцев до сих пор *никого не было*. Как ни неожиданно подобное утверждение, но ему нельзя не поверить уже и потому, что иркутская газета, прежде говорившая о мно-

жестве переселенцев, сама тоже создалась, что добровольных переселенцев действительно никого не было, но что они непременно будут... И то хорошо, разумеется; но теперь дело не о будущем, дело в том, что теперь нет переселенцев. Были охотники в 1855 году; но после их не нашлось, несмотря на все вызовы и льготы. Г-н Завалишин сам удивляется этому и спрашивает: «Кажется, давно ли было, что Амур составлял идеал стремлений всего здешнего населения, и когда ничего не требовали, никаких льгот, кроме дозволения, хотя бы безмолвного, – хотя бы только не препятствования переселяться туда? Как же это случилось, что в такой короткий промежуток дело повернулось так, что переселение на Амур, в повсеместном почти убеждении, сделалось непривлекательным?..» И в ответ на эти вопросы он рассказывает следующую простую историю («Вестник промышленности», № 10, стр. 69–71):

Добровольных переселенцев 1855 года сплавили на устье Амура, сказав им, что их поселят близко; в надежде на это зажиточные взяли с собою много

хлеба и других хозяйственных предметов и пригнали много скота, как вдруг им объявили, что они могут взять только небольшое, определенное количество всего. Таким образом, тот, кто не имел провожавших его родных или знакомых, с кем мог бы отослать излишнее, – чего не позволяли взять, бросили даром или продали за бесценок купцам, особенно скот (по причине страшной дороговизны прокорма, около Шилкинского завода); а те, разумеется, перепродали при случае, и даже в казну, с огромным барышом. И вышло то, что этот образ действия доставил выгоду, конечно, одним спекулянтам-купцам, а на переселенцев пали все невыгоды. Надо сказать, что такие же точно последствия имели и все другие распоряжения, предпринятые будто бы для пользы края и улучшения участи низшего класса. Оттого-то он и недоверчив к подобным обещаниям, и ничто его так не пугает, как перемены, о которых говорят ему, что для него они к лучшему. Настоящее положение добровольных поселенцев на устье Амура вот какво; мо-

жет быть, что они разъезжают зимою с колокольчиками и бубенчиками, да в этом ли дело и желательный успех? На четвертый год пребывания своего на месте они не довели хлебопашества до одной еще десятины на ревизскую душу, оставались долее двух лет на казенном продовольствии и задолжали в казну. Вот и говорят теперь, что они лентяи, что нужны меры строгости; но известно, что это средство – решительно бесполезно.

Разумеется, что после этого нельзя было ожидать более добровольных переселенцев, особенно когда и последние известия от выходивших с Амура не были в пользу переселения. Как о характеристическом явлении, упомянем о том, что некоторые отставные нижние чины, иные семейные, вышли оттуда; а как бы, казалось, не остаться на том приволье, которое, как уверяют, существует там для них, особенно когда уже раз были на месте?

Между казаками также не нашлось добровольных переселенцев; вот и стали переселять казаков – конных по наряду и выбору, пеших – по жребию. Бы-

ли, правда, между казаками так называемые добровольно будто бы идущие за других; но это был только скрытый наем. Так как открытый наем не допускался, то наемщик объявлял, что идет за такого-то добровольно. Но и тут, несмотря на то, что брали иногда огромную плату, эти наемщики были преимущественно из таких, которым или не при чем было оставаться, или семья разделялась так, что ни отправляющейся, ни остающейся части хозяйствовать было невозможно, или, наконец, их побуждала крайняя нужда в деньгах. Что же касается до добровольных из другого звания, в небольшом числе (из расформированного гарнизонного полубатальона), то это исключительные случаи, объясняемые положением, в каком они находились.

Предполагают еще одно средство: приглашать на Амур с безвыгодных или менее выгодных мест. Но, во-первых, где нет естественного, добровольного предпочтения, там все приманки льготами, вспомоществованиями от театров, концертов и пр. искусственные

средства – капля в море; во-вторых, по нашему убеждению, это очень вредно для будущего, когда все же рано или поздно придется опять заселять и эти места: ведь нельзя же, ради неимения кем заселить одно место, превращать другие, промежуточные, в пустыни, да еще искусственными средствами. Хорошо и то, что люди сами живут тут и хотят жить, потому что, как бы худо место ни было, но кто прижился на нем, тех удержат более причин и легче, нежели водворять новых.

Наконец, чтобы найти благовидный предлог выселить кого-нибудь на Амур, не выказывая прямого насилия, прибегают к выселению разбросанных между государственными крестьянами чересполосно казаков, под предлогом уничтожения чересполосности и сокращения расстояния. Но зачем же не сделали этого при образовании войска? И за что эти люди будут отвечать за чужие ошибки? Мы давно, еще с 1834 года, настойчиво обращали на это внимание. При обращении горных крестьян в пешие казаки был самый благоприятный случай сделать раз-

мен с общими государственными крестьянами, как для уничтожения чрепалосности, так и для сокращения протяжения в пределы соразмерности, чтобы соделать возможным доброе управление; а то десятый батальон, в одну линию, протянут с лишком на 300 верст. Тогда не сделали этого по доводам неосновательным, а теперь выселяют для этого целые селения!

Таким образом, и принудительные переселения были очень слабы и только расстроивали экономию тех мест, откуда выселялся народ. У казаков, которых стали переселять по жребию, первым следствием этого была небрежность обработки своей земли и весьма естественное старание заблаговременно сократить свое хозяйство. А между тем новым переселенцам есть было нечего. В 1857 году хотели переселить на Амур целую пешую казачью бригаду; 500 семейств было переселено; но затем переселение вдруг остановилось, по уверению корреспондента «С.-Петербургских ведомостей», – вследствие неопределенности наших отношений к Китаю. Но пересе-

ление началось раньше, чем получено известие о заключении Айгунского трактата; когда же отношения были более неопределенны, – до трактата или после его?.. Настоящая причина остановки переселения 3500 семейств, уже определенных жребием и расстроивших свое хозяйство, заключалась в том, что хлеба не было; оттого и объявили, чтобы шли только те, кто может идти на своем содержании, а прочие могут оставаться. Но это объявлено было уже в августе, когда здесь только доканчивают сено и убирают хлеб; под пар землю парят и поднимают залежи к следующему году гораздо ранее летом, и естественно, что все, назначенные жребием к переселению, ничего этого не делали... В августе поправляться было уже несколько поздно...

Участь переселенцев вообще была незавидна. Несмотря на уверения г. Романова, что «страну успели и умели обеспечить продовольствием, как это было всегда, а служащих в ней – теплым и удобным помещением», – оказывается, что и продовольствие и помещения были в положении весьма печальном. Смертность была очень велика: много каза-

ков погибло на сплавке 1857 года, много других – при приготовлении к ней, когда, по неимению хоть бы временной казармы при амурских магазинах, на Ингоде люди жили в землянках, и больные не вмещались в занимаемых под лазареты домах. Хотя все отряды едва ли доходили до 500 человек, число больных доходило до 100, а смертность в месяц – до 15 человек («Морской сборник», № 7, стр. 52). Относительно помещений для поселенцев г. Завалишин решительно не согласен с отрядными известиями, которые сообщались в газетах. Писали, что в Благовещенске строится церковь, построено несколько десятков домов; г. Завалишин уверяет, что церковь не строится, а разве только что, может быть, заложена; дома же, в сущности, – не что иное, как «мазанки в один плетень, поздно обмазанные и потому зимою сырые и холодные, – отчего болезни и их последствия». Писали, что на Амуре станицы строятся; г. Завалишин говорит, что действительно строятся, но уже и переносятся на другие места, не успев отстроиться; планы, судя по рисунку, – однообразны и неудобны («Морской сборник», №№ 5

и 7). Вообще хозяйственные распоряжения в том крае характеризуются, между прочим, следующими эпизодами, рассказанными г. Завалишиным:

Мы остановились на причинах расстройств хозяйства, особенно у казаков. Первое отягощение составили штабные постройки. Прежние казаки имели значительный капитал, который преимущественно и поглощен постройками. Их предназначено было окончить в три года, и аргумент, который тогда приводили в причину такой поспешности, так странен, что не знаешь, что и думать. Чтобы понять, во что обошлась действительная стоимость этих построек, достаточно сказать, что чиновник особых поручений при мне докладывал, что за бревно, за которое казна платила 15 коп., давали в некоторых местах по несколько пудов хлеба, стоявшего тогда в дорогой цене; в других – возили бревно по несколько десятков верст, и оно обходилось по 1 руб. 50 коп. сер. и дорожке; к тому же все переделки, неизбежные при торопливом, ошибоч-

ном и неискусном ведении работ, разумеется, не входили в смету.

Несмотря на такую торопливость и такие убытки казакам, постройки эти не достигли вполне цели (так, например, в госпитале 2-й бригады нельзя было держать зимою больных) и оставлены недоконченными; следовательно, оказались не так необходимыми, как говорили, по меньшей мере – не так к спеху. Ныне одни из них, как штаб 4-го батальона и госпиталь 1-й бригады, истреблены огнем; другие, как 12-го батальона, сплавлены на Амур, чтобы извлечь из них какую-нибудь пользу; предполагалось сделать то же и со всеми зданиями штаба 2-й бригады («Морской сборник», № 7, стр. 64).

Остается рассмотреть обычные жалобы на недостатки будто бы средств. Но если рассмотреть все средства – и гласные и негласные, – то окажется, что средства были огромные. Путь реквизиций, раскладок, нарядов, произвольных цен за продукты и работу – такой скользкий и покати-стый путь, что раз вступившему на

него уже нет возврата, и движение будет все ускоряться на пути к пропасти. Г-н министр внутренних дел говорит, что эти средства не только разорительны для народа, но и невыгодны для казны; но кто сам не следит за действительными случаями, тот и вообразить себе не может, во что обращается это, по-видимому легкое для начальства, распоряжение средствами в последних инстанциях. Какое бывает конечное употребление таких легко добытых средств, приведем два примера, лично нами проверенных. При провозе пороха нарядом (это еще за прогоны) здесь, в месте главного начальства, собирали подводы для одного транспорта по шести дней сряду, после определенного дня, не считая запрещения отлучаться из селения до того времени. Само собою разумеется, что прогоны, платимые за несколько часов проезда, не могли окупать потери нескольких дней. И потом этот порох, стоивший казне – по расценке того, что она платила, – с лишком по двадцати рублей пуд, вдруг утопили, еще до отправления, в Шилкинском за-

воде, в количестве до двух тысяч пудов. Другое обстоятельство: когда добудут материал, работу, провоз далеко ниже действительной их стоимости, – говорят, что обошлось дешево, и потому из остаточных сумм дают награды людям, которым уже никак нельзя пожаловаться на скудость содержания. Я бы почел это за клевету, если бы лично не слышал о том от самих получавших подобное награждение («Вестник промышленности», № 10, стр. 77).

Вследствие всех фактов и соображений, представленных г. Завалишиным, являются следующие выводы о наших прогрессах на Амуре:

1) Правильного сообщения по Амуру нет еще ни летом, ни зимою, и для железной дороги нет никаких условий.

2) Торговли в настоящем смысле нет – ни русской, ни иностранной; приход иностранных судов ничтожен.

3) Добровольного движения для заселения Амура нет.

4) Средства были, и средства огромные; но

растрачены не так, как следовало, вследствие чего до сих пор Россия должна была тратиться для Амура, а не Амур приносил пользу России.

А окончательный вывод из всего этого – прямо противоположен выводам, сделанным г. Романовым в «Русском вестнике». Г-н Романов говорит: *«Край развернется быстро, если будет идти вперед так же, как идет в настоящее время»*. Г-н Завалишин утверждает, напротив: *«Край может развернуться только при условии – если переменят путь, по которому до сих пор шли; иначе эта быстрота только пособит быстрее скатиться в пропасть»* («Вестник промышленности», стр. 83).

Таковы два противоположные воззрения на существующее значение наших поселений на Амуре и наших действий в этом крае. Мы представляем их читателям не с тем, чтобы бросить тень на самое приобретение Амура. Вовсе нет: приобретение останется приобретением и будет иметь свою историческую цену. Но всякий согласится, что главное дело не в самых землях, а в том, чтобы ими воспользоваться. И в этом-то отношении важно вся-

кое указание сделанных ошибок, всякое добросовестное разрушение несбыточных надежд и преувеличенных восторгов... Может быть, сам г. Завалишин ошибается в некоторых случаях и даже иногда преувеличивает дело; но нам кажется, что в вопросах подобного рода, как вопрос о заселении и значении Амура, гораздо лучше преувеличенная осторожность, нежели преувеличенная доверчивость. Притом для людей, знакомых с общим порядком дел в нашем любезном отечестве, — не может быть ничего особенно странного и непонятного в рассказах г. Завалишина. Очень нередко мы видим, как частные корыстные расчеты, небрежность, невежество или недобросовестность обращают в ничто и даже делают вредными самые полезные начинания. В прошлом месяце мы говорили о том, что производила в течение многих лет неудовлетворительная администрация на Кавказе.^{7} Теперь нам представился случай заговорить об Амуре, и тут мы нашли печатно оглашенные сведения о разных распоряжениях низшей администрации, вредных для развития края... Как и чем это поправить и

когда это может быть поправлено, – мы не можем ничего сказать. Заметим только, что мы вовсе не хотим обвинять отдельные лица и сваливать все на их личные недостатки; это было бы с нашей стороны очень опрометчиво. Мы очень хорошо понимаем, что где тот или другой недостаток восходит на степень общего явления, там нужно искать причин его уже не в свойствах того или другого лица, а гораздо глубже – в самом общественном порядке...

Скажем в заключение, что г. Маак обещает в предисловии к своей книге отправиться вскоре во вторую экспедицию на Амур. Точность и добросовестность его нынешних заметок внушают к нему доверие, и мы не можем не пожелать, чтоб он теперь был самостоятельнее в своих действиях, нежели в первую экспедицию: тогда он, может быть, представит нам довольно обстоятельную и точную картину края и разрешит хоть отчасти ту путаницу, которая до сих пор существует у нас в сведениях о нашем положении на Амуре.

Примечания

Впервые – «Совр.», 1859, № 12, отд. III, стр. 215–236, без подписи. Вошло в изд. 1862 г., т. III, стр. 201–221.

Рецензия посвящена острой проблеме 50-х годов XIX века – присоединению Амурского края к России.

Начало освоению Амурского края было положено экспедицией (1643–1646 гг.) землепроходца В. Д. Пояркова, достигшей устья Амура. Поход в 1649 году отряда Е. П. Хабарова, основание Нерчинского острога (1658) подготовили планомерное продвижение в Приамурье. По Нерчинскому договору (1689), установившему равноправные торговые отношения России с Китаем, среднее и нижнее течение Амура уступалось китайскому правительству. Освоение края русскими возобновляется в XIX веке, когда обостряется борьба капиталистических держав за азиатский рынок. В этом освоении края большую роль сыграла Амурская экспедиция 1849–1855 годов русского офицера Г. И. Невельского. Она дала много новых сведений о Приамурском крае и матери-

ал по обоснованию возвращения Амурской области России по договору, заключенному с Китаем в Айгуне в 1858 году (см.: П. И. Кабанов. Амурский вопрос, Благовещенск, 1959).

Вокруг вопроса о значении и результатах присоединения Амурского края к России разгорелась полемика. Одни видели в этом только выгоды и, замалчивая трудности освоения края, злоупотребления местной администрации и тяжесть положения местного населения, преувеличивали результаты присоединения. В статье Д. И. Романова «Присоединение Амура к России» («Русское слово», 1859, №№ 4, 6, 7, 8) и других его. работах (см.: «Императорское Русское географическое общество», 1859, № 4; «Русский вестник», 1858, № 16 и № 17; «Санкт-Петербургские ведомости», 1857, № 269 и 270) восторженные отзывы о колонизации Амура высказаны с наибольшей откровенностью. Другие, напротив, говорили о полном провале колонизации, порой не учитывая трудные условия заселения края и игнорируя достигнутые все же положительные его результаты. С наибольшим упорством это мнение отстаивал декабрист Д. И.

Завалишин (см. его статьи в «Морском сборнике», 1858, № 11, и в ряде номеров за 1859 год, а также в «Вестнике промышленности», 1859, № 10).

Р. К. Маак (1825–1886) – автор рецензируемой книги, географ и натуралист, участник Амурской экспедиции 1855–1856 годов, о значении колонизации Амурского края говорит вскользь. Его привлекают преимущественно вопросы географии, этнографии и геологии Амура. Для Добролюбова книга Маака послужила поводом, чтобы высказать свое отношение к присоединению Амурской области. Развивая мысли, высказанные ранее по поводу значения колонизации новых земель (см. статьи «Взгляды на историю и современное состояние Ост-Индии» в т. 2 наст. изд. и «О значении наших последних подвигов на Кавказе» в наст. томе), Добролюбов не отрицает положительных результатов присоединения Амура. Однако он убежден в том, «что главное дело не в самых землях, а в том, чтобы ими воспользоваться». Поэтому сам факт присоединения Амурского края к России может принести положительные результаты только

тогда, когда создадутся необходимые условия для превращения потенциальных возможностей в реальность. Это превращение революционер-демократ Добролюбов связывает с изменением общественного порядка.

Сноски

1

Законными и незаконными, правдами и неправдами (лат.). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

См. «Вестник промышленности», 1859, № 12, отд. V, стр. 63–108 и «Географическо-статистический словарь Российской империи» П. Семенова, т. I, СПб., 1863 (см. слово «Амур»).

[^^^]

2

Слов «что мы теперь через нее сделались уже очень страшными *соперниками англичан в Индии*», а также в следующей фразе: «и что англичан в Индии нам никогда не видать, как ушей своих» – в «Современнике» не было.

[^^^]

3

Муравьев-Амурский Н. Н. (1809–1881) – губернатор Восточной Сибири в 1847–1861 годах, организатор колонизации Амура, осуществляемой царским правительством.

[^^^]

4

Речь идет о посольстве, направленном в 1857 году в Пекин, во главе с графом Е. В. Путятиным, для предварительных переговоров о мирном решении вопроса об Амуре.

[^^^]

5

Речь идет о плане строительства железной дороги, предложенном американцем Коллинсом, посетившим в 1857 году Амурскую область. *Аспинваль* (Колон) – город на Панамском перешейке, в Колумбии, конечная станция Панамской железной дороги; основан в 1852 году.

[^^^]

6

«Денег и людей» – заключительная фраза статьи Д. Романова в «Русском вестнике» (1859, № 9, стр. 28). «Надо колонизировать Приамурский край...» – цитата из иркутской корреспонденции за подписью «Сибиряк» в «СПб. ведомостях», 1858, № 175.

[^^^]

Имеется в виду опубликованная в № 11 «Современника» за 1859 год статья Добролюбова «О значении наших последних подвигов на Кавказе» (см. наст. том, стр. 430–451).

[^^^]

[^^^]